

СТРЕМЛЕНИЕ К НЕЗАВИСИМОСТИ СВЯЗЕЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Проанализовано прояви змін у мовній техніці на прикладі фактів фонетичного, морфемно-дериваційного, морфологічного та синтаксичного роду; продемонстровано прямування до незалежності та аморфності, які дозволяють виявити в сучасній російській мові маніфестацію типологічних рис ізоляції.

Ключові слова: консонантна домінанта, аглютинація, аграматизм, тип синтаксичного зв'язку, ізоляція.

Проанализированы проявления изменений в языковой технике на примере фактов фонетического, морфемно-деривационного, морфологического и синтаксического порядка; продемонстрировано движение к независимости и аморфности, позволяющие выявить в современном русском языке манифестацию типологических черт изоляции.

Ключевые слова: консонантная доминанта, агглютинация, аграмматизм, тип синтаксической связи, изоляция.

The display of changes in language technique is analysed at the example of facts of the phonetic, morphemic-derivational, morphological and syntactic order. The tendency to independence and amorphousness is demonstrated, that help to detect the manifestation of typological features of isolation in the modern Russian language.

Keywords: consonantal dominant, agglutination, agrammatism, the type of syntactic relationship, isolation.

Еволюція мови тісно пов'язана з еволюцією мислення людини, з зміною суспільства, користуючого певним вербальним кодом. Екстралінгвістичні та інтралінгвістичні фактори, детермінують рух мови, надаючи нерівномірне вплив, так і по мірі впливу на швидкість перетворень на різних рівнях мовної системи. В лексико-семантичних змінах останніх десятиліть швидше всього проявляється зв'язок з соціально-економічними, політичними та психологічними перетвореннями в суспільстві. Зміни на морфологічному рівні відбуваються дуже повільно. Зовнішні фактори не надають на них безпосереднього впливу, а лише стимулюють закріплення в мові давно вироблених звичок результату постійно протікаючих внутрішніх процесів. Спостереження за динамікою мовних перетворень на всіх рівнях мовної системи дозволяють побачити певні загальні тенденції та напрями еволюції [1; 3; 10; 13 та ін.]. **Ціль** даного дослідження – визначити наявну тенденцію до самостійності мовних одиниць різних рівнів ієрархічної системи російської мови. Передбачено рішення наступних *задач*: встановити факти, що свідчать про рух до незалежності позицій в фонетичній підсистемі російської мови; продемонструвати прояви руху до аглютації в сучасній мовній будові; виявити сфери посилення граматичності в морфології; показати певні напрями змін в сучасних синтаксичних зв'язках.

Дослідники відзначають перетворення, пов'язані з зміною мовної техніки [12], що проявляються в фонетичній будові мови, – поси-

ние консонантной доминанты. Постепенная утрата ведущей роли вокальных звуков в истории русского языка на современном этапе связывается с расширением качественной редукции. В этот процесс постепенно вовлекаются не только гласные неверхнего подъёма [а], [о], [э], но и гласные верхнего подъёма [и], [ы]. В результате наблюдаем появление вариантов типа *оп[ы]т* – *оп[ь]т*, *вым[ы]л* – *вым[ь]л*, *в[ы]ходить* – *в[ь]ходить*, *б[ы]товой* – *б[ь]товой*, *м[и]ровой* – *м[ь]ровой*. Ведущей функцией гласных становится не смыслоразличительная, а ритмическая, эмоционально-выразительная [2, с. 223]. В пределах системы консонантизма уменьшается сфера распространения ассимиляции по палатальности. Словари последнего десятилетия фиксируют варианты произнесения предшествующего твёрдого перед мягким консонантным, т. е. ослабление позиционной зависимости согласных: [д`в`]ерьь и [дв`]ерьь. Твёрдый согласный в препозиции рекомендуется, например, в случаях *я[зв`]ительный*, *[см`]енить*, *о[тв`]ердеть*, *[зм`]еевик* и проч., а в качестве допустимого устаревшего варианта подаются контактирующие палатальные [з`в`], [с`м`], [т`в`], [з`м`]. Иногда акцентируется внимание на новизне факта утраты ассимиляции по палатальности. Так, в словах *а[н`ч`]оус*, *о[д`д`]елка* и под. в качестве нормативного подаётся два контактирующих палатальных, но приводится и дополнительное новое с первым твёрдым [нч`], [дд`] [6]. Косвенно эта тенденция проявилась в вытеснении диссимилятивных процессов ассимилятивными. Резко сократился список слов, в которых на месте [х] в современном произношении реализуется [к] перед глухими согласными *но[кт]и*, *ко[кт]и*, *дѣ[кт]я*, *[кт]о*, *ни[кт]о* и проч. В настоящее время диссимилятивное [х] допускается лишь в корнях -легк-/легч-, -мягк-/мягч-: *лѣ[хк]ий*, *лѣ[хч]е*, *лѣ[хк]ое*; *мя[хк]ий*, *мя[хч]е*, *мя[хк]ая*. Устаревает и произношение [шн] (закреплённое и на письме в XVIII в. *колпашный*, *фабришный*, *галстушный* и под.) в ряде современных слов типа *сливочный*, *горничная*, *шапочник*, *юбочник* и под. Усиление «графического» произношения – свидетельство упрочения независимости консонантных в звукосочетании.

Деривационные процессы новейшего периода также дают многочисленные примеры направленности к независимости структурных элементов как простых, так и сложных слов. Уход от фузии к агглютинативному обустройству слова, отражающему стремление к соблюдению чётких границ между морфемами, можно видеть на примере новых образований типа *тинейджер-н-ый*, *тинейджер-ов-ский* [9] и *тинейджер-ск-ий* [14], ср. также: *донбас-ск-ий* и *донбас-ов-ск-ий*, *интернат-ск-ий* и *интернат-ов-ск-ий* и под. Активизировавшаяся в последнее время интерфиксация помогает избежать наложения и чередования звуков, возможной фузии, достичь прозрачности границ морфем: *омон-ов-ский*, *интернет-ов-ский*, *пентагон-ов-ский*; *яхтклуб-ов-ец*, *спартак-ов-ец*, *эсэнге-ш-ник-*, *эсбэу-ш-ник* и под.

Как показывает анализ словарей новейшего времени, современный корпус русского языка значительно пополняется композитными и юкстапозитными образованиями: *интернет-провайдер*, *бизнес-план*, *экс-лидер*, *мини-кризис*, *онлайн-конференция*, *рейтинг-лист*, *шоу-индустрия*, *поп-арт*, *рок-концерт*, *VIP-зал*, *Web-страница*, *медиатрюк*, *политинвестор*, *инофирма*, *наркотранзит* и мн. др. Постепенное движение к цельнооформленности сложносоставных наименований в узусе последних десятилетий проявляется в утрате внутренней флексии. Несклоняемость первой части наблюдаем как среди нарицательных, так и среди собственных имён [5, с. 245–262, 204, 215]: *прайс-лист*, *луна-парк*, *интернет-кафе*, *кварц-лампа*, *капитан-лейтенант*, *премьер-министр*, *сон-трава*, *Иван-чай*, *плац-палатка*, *яхт-клуб*, *программа-максимум*, *идея-фикс*, *дизайн-проект*, *мастер-класс*, *компакт-диск*, *Горбачёв-фонд*; *в Камень-Каширском*, *под Буэнос-Айресом* и проч. Показательна неизменяемость обоих компонентов значительного количе-

ства новых в русский язык сложных образований: *фаер-шоу, байк-пати, рейв-пати, дайвинг-сафари, реалити-шоу, джип-сафари, слайд-шоу* и т. п. Чистота морфемного шва манифестирует отступление от типичного явления фузии в обустройстве структуры слова в русском языке.

В современном речевом пространстве фиксируется активность процесса нарушения или утраты внутренней флексии в сложных числительных, имеющих в составе названия десятков и сотен: *к семьдесяти, о пятьдесяти, с шестьдесятью*. «Недосклоняемость» составных числительных обращает на себя внимание современных исследователей-русистов [8; 15; 11]. «Стремлением к единообразию форм и выравниванию основы вызваны к жизни варианты с общей основой для всех косвенных падежей, включая и творительный: *пятидесятью – пятистами, шестидесятью – шестистами, восьмидесятью – восьмистами* и т. п.» [5, с. 362]. В ряде случаев не склоняются сложения с *пол-* в косвенных падежах: *полкурицы, полжизни, полпути, полцены* и проч. [5, с. 352–353].

Эпоха глобализации характеризуется взаимопроникновением лексических средств. Русский язык последних десятилетий значительно пополнился заимствованиями, которые адаптировались в языке-доноре частично: *байк-пати, байк-шоу, бандо, бэккантри, бюстье, велькро, гаспачо, дайвинг-сафари, джакузи, джи-ай, джип-сафари, ди-ви-ди, дрим-тим, дьюти-фри, жиголо, комьюнити, кумите/кумитэ, кэндо/кендо, лав-стори, ЛСД, манпет-шоу, мачо, мико, монокини, ноу-хау, парео, пип-шоу, прайвеси, прет-а-порте, растафари, реалити-шоу, ролти, тай-бо, техно, ток-шоу, тофу, фэнтези, фэшн-шоу, ци, кастом-шоу, фрик-шоу* и мн. др. Отсутствие формальных маркеров грамматических категорий неизменяемых слов порождает у них развитие билатеральных частеречных свойств, служит источником пополнения функциональной грамматической омонимии. Примерами такого рода изобилуют словари последних десятилетий. Достаточно частотна омонимия имён существительных и прилагательных: **вамп** – *...пародирует вамп из «Жара тела» Лоуренса Каздана; макияж вамп подходит далеко не всем* [17, с. 65–66]; **милитари** – *милитари создаёт образ соблазнительный и энергичный; другим важным трендом остаётся стиль милитари* [17, с. 18]; **фьюжн** – *имеет место лишь концептуальный фьюжн; дизайн в стиле фьюжн* [17, с. 196–197]. Словарями активного типа фиксируется также частеречная омонимия наречий и неизменяемых прилагательных: **нон-стоп** – *ещё полгода нон-стоп шла работа; в режиме нон-стоп крутили фестивальные фильмы* [17, с. 196–197]. Детерминатором частеречной принадлежности в подобных случаях становится грамматическая оформленность в виде синтаксической позиции, которая является системным признаком каждой части речи (подлежащего, определения или обстоятельства), и общеграмматического значения (именование субстанции, признака субстанции или признака признака).

Одним из наиболее распространённых типов грамматической связи в языке является согласование. Наряду с полным согласованием на отдельных участках системы русского языка развивается неполное согласование. Кроме грамматического согласования развивается условно-грамматическое, устанавливаемое правилами. Так, местоимение *кто* и производные от него вне зависимости от пола лица или количества требуют постановки зависимого компонента в форме единственного числа мужского рода: *некто щедрый, кто-то знающий, кто-нибудь успешный* и проч. В сложных существительных с первым элементом *пол* род определяется по опорному компоненту (*полчаса* – м. р., *полведра* – ср. р., *полквартиры* – ж. р.), но в линейном синтагматическом ряду согласуемые слова ставятся в форме множественного числа именительного или родительного падежа: *это были последние полстакана, прочитал целых полкниги* и т. п.

Усиливает позиции семантическое согласование во множественном числе при неизменяемых: неодушевлённых существительных (*интересные слайд-шоу, модные бандо, удобные велькро*); одушевлённых именах (*современные жиголо, эти мачо, устрашающие секьюрити*); сложносокращённых словах (*такие ди-види, радующие эсэмэс*) и под. При числительных *два, три, четыре* существительные всегда стоят в родительном падеже единственного числа, а зависимые от него прилагательные имеют форму множественного числа именительного или родительного падежа, семантически поддерживая плюральную семантику: *два интересные случая, три новых продавца, последние четыре месяца*.

Определительные отношения с зависимыми частями речи всё чаще строятся по типу примыкания. Зависимые неизменяемые единицы компенсируют свою формальную грамматическую недостаточность семантической составляющей и структурной закреплённостью местоположения в синтагме. В такие связи могут вступать как парадигматически неизменяемые слова, так и синтагматически неизменяемые: *одеваться в стиле кэжл, книга в стиле фэнтези, желание приласкать, опасение разбудить, поздравляем с Восьмым марта, в селе Клёново, в городе Москва* и проч. На именительный-самостоятельный исследователи обращали внимание ещё в середине XX в. [1, с. 33]. Сфера синтагматически закреплённой независимости постоянно расширяется: *маршрут Полтава – Донецк, матч «Шахтёр» – «Реал», линия Киев – Миргород, отношения профессор – студент, история Путин – Медведев, живёт по принципу есть – пить – спать* и т. п. В результате расширяющейся синтаксической компрессии происходит опрощение многочленных сочетаний, в результате которого глагольная зависимость изменяется на субстантивную: *картина маслом* (вм. *картина, выполненная маслом*), *сапоги из Финляндии* (вм. *сапоги, привезённые из Финляндии*), *операция на желудке* (вм. *операция, произведённая на желудке*). Расширяющийся круг несогласованных определителей пополняется рядом собственных наименований: *в селе Красные горки, в поселении Долгий Мост, к городу Санта-Нинфа, в городе Санта-Крус* и проч. Исследователи отмечают: «тенденция к несклоняемости географических названий в функции приложения усилилась» [5, с. 205]. Ряды синтагматически неизменяемых на переломе тысячелетий активно пополняются также именами числительными: *ЧМ-2010, Евро2012, топ-10, витамин B6, сезон 2012–2013, 2G-устройство, MP3-плеер* и проч. Аграмматичность числительных становится предметом специальных изысканий [8; 11; 15].

Ослабление формально манифестируемой связи между главными членами предложения проявляется в развитии соположения, при котором в роли сказуемого выступают неизменяемые слова и формы слов: *Царица – хохотать* (А. С. Пушкин); *И новые друзья – ну обниматься* (И. А. Крылов); *Выходит Павел: он немного выпивши* (М. Горький); *Моя сестра замужем* [16, с. 119–120]. Средством выражения связи при соположении главных членов предложения выступает порядок слов. На смену классическим синтаксическим конструкциям с чётко выраженными формальными средствами приходят актуализированные синтаксические построения. Расчленённость синтаксических цепочек сопровождается утратой эксплицированных средств формальной связи [1]. Присоединительные, парцелированные и сегментированные конструкции манифестируют ослабление связей и стремление к предельной самостоятельности отдельных компонентов грамматической структуры: *Через несколько минут он шёл по той же аллее – один* (С. Довлатов); *С ней было легко, хорошо, весело. Как может она притягивать к себе людей. Особенно молодых* (А. Мень); *Путешествия – они обладают волшебным свойством. Они удивительно удлиняют жизнь* (М. Алигер) [3].

Показательны в стремлении к изоляции вставные конструкции, соединённые с остальными членами предложения связью включения [16, с. 158–159], выражающейся интонацией, отчасти порядком слов. Демонстрацией синтаксической изолированности вставных конструкций в письменной речи служит расширение роли графических пунктуационных знаков – тире и скобок: *Сметливый американец – недаром его дедушка был родом из Одессы – быстро сориентировался, взял у Алика домашний телефон* (Л. Улицкая); *Бенедикт перебелил Указ четырежды, отдал Оленьке бересту, чтобы буквицы покрасивее изукрасила – плетеними ленточками, птичками и цветочками, потому как дело серьёзное, или, как выразился Шакал, судьбоносное – и сам просветлел и порадовался* (Т. Толстая); *Уже с очевидностью обе стороны хотели мира, но (по инерции) продолжали вслушиваться в каждое громкое слово* (В. Маканин); *Если не позволить самостоятельности проявляться, то малышу будет трудно двигаться дальше, у него не сформируется вера в себя (ведь самые важные люди в его жизни сомневаются, что он может справиться сам), да и потребность в развитии чуть уменьшится* (Журнал «Хорошие родители»).

В сфере письменной речи актуализация синтаксиса приводит к подвижкам в функциональной нагруженности отдельных знаков препинания. В настоящее время исследователи отмечают процесс универсализации знака тире. Оно всё чаще занимает позицию и других знаков – запятой, двоеточия: *Я подумал – он ждёт слов* (К. Паустовский); *Может, для будущего это как раз важнее всего – чтобы мы вот здесь и сейчас научились творить мгновения, не откладывая* (В. Леви). «Сдержанное наступательное движение тире уже нельзя», – утверждает Н. С. Валгина [4, с. 268].

Как показывают наблюдения, на всех ярусах системы современного русского языка явно прослеживается тенденция к ослаблению зависимости единиц. Синтаксический строй языка на отдельных участках уступает позиции. Усиление независимости фонетических позиций, стремление к чёткости границ между морфемами, аморфизм в морфологии, приводящий к расширению примыкания, актуализированный синтаксис современного узуса с утратой формальных средств грамматической связи и возникновением соположения конструирующих текст единиц, приводящий к возрастанию роли порядка слов и усиливающий семантический компонент в генерировании и восприятии текста, – всё это позволяет говорить о зачатках глубинных процессов движения к изоляции в типологическом обустройстве системы современного русского языка. Для объективного описания типологических особенностей современного русского языка на переломе тысячелетий необходимо изучение означенного процесса на всех ярусах системы русского языка.

Библиографические ссылки

1. **Акимов Г. Н.** Новое в синтаксисе современного русского языка : учеб. пособие / Г. Н. Акимов. – М. : Высш. шк., 1990. – 168 с.
2. **Богомазов Г. М.** Современный русский литературный язык : Фонетика : учеб. пособие / Г. М. Богомазов. – М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001. – 352 с.
3. **Валгина Н. С.** Активные процессы в современном русском языке : учеб. пособие для ст-в вузов / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2001. – 304 с.
4. **Валгина Н. С.** Современный русский язык. Пунктуация / Н. С. Валгина. – М. : Высш. шк., 1989.
5. **Граудина Л. К.** Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН; Л. К. Граудина, В. А. Ицкович,

- Л. П. Катлинская. – 3-е изд., стер. – М. : ООО «Изд-во Астрель» : ООО «Изд-во АТС», 2004. – 555 с.
6. **Каленчук М. Л.** Словарь трудностей русского произношения / М. Л. Каленчук, Р. Ф. Касаткина. – М. : Астрель, АСТ, Транзиткнига, 2006. – 485 с.
  7. **Князев Ю. П.** Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе / Ю. П. Князев. – М. : Языки славянских культур, 2007. – 704 с.
  8. **Лаптева О. А.** Живая русская речь с телеэкрана. Разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте / О. С. Лаптева. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 520 с.
  9. **Русский орфографический словарь:** около 180000 слов / РАН; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова / О. Е. Иванова, В. В. Лопатин (отв. ред.), И. В. Нечаева, Л. К. Чельцова. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2007. – 960 с.
  10. **Русский язык конца XX столетия (1985–1995)** / отв. ред. Е. А. Земская. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 480 с.
  11. **Рябушкина С. В.** «Экспансия номинатива» количественных числительных : путь к несклоняемости? / С. В. Рябушкина // Функциональная семантика и семиотика знаковых систем. Ч. 1. : сб. науч. ст. / сост. В. Н. Денисенко, О. И. Валентинова, Е. А. Красина и др. – М. : РУДН, 2011. – С. 490–496.
  12. **Серебренников Б. А.** Об относительной самостоятельности развития системы языка / Б. А. Серебренников. – М., 1968. – 127 с.
  13. **Современный русский язык.** Активные процессы на рубеже XX–XXI веков / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН; отв. ред. Л. П. Крысин. – М. : Языки славянских культур, 2008. – 712 с.
  14. **Толковый словарь русского языка конца XX века.** Языковые изменения / под ред. Г. Н. Складневской. – СПб. : Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.
  15. **Тукова Т. В.** Современные имена числительные: путь к аморфности? /Т. В. Тукова, С. О. Анисимова. // Функциональная лингвистика. Язык и мир : сб. науч. работ / Крым. республик. ин-т последипломного пед. образования; науч. ред. А. Рудяков. – № 2, т. 2. – Симферополь, 2011. – С. 247–250.
  16. **Чикина Л. К.** Присловные и предложенческие связи в русском синтаксисе : учеб. пособие / Л. К. Чикина, В. В. Шигуров. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 192 с.
  17. **Шагалова Е. Н.** Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века : ок. 1500 слов / Е. Н. Шагалова. – М. : АСТ : Астрель : Полиграфиздат, 2011. – 413 с.

Надійшла до редколегії 23.12.12